

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 70—80-х ГОДАХ XVI в.

Акад. Б. Греков

Факт запустения в 70—80-х годах XVI в. Московского государства, ярко отмечаемый многими документами и рядом наблюдателей-современников, не мог не привлечь внимания русских исследователей. Но размеры этого бедствия на Руси, его причины и связанные с ним дальнейшие события понимались по-разному.

Можно отметить два основных направления: представители одного направления рассматривали хозяйственное потрясение страны как следствие органических, в течение длительного времени действовавших причин; они предполагали, что давно начавшийся отлив населения из центра во второй половине XVI в. лишь усилился и продолжался едва ли не до первой четверти XVII века. Представители второго направления считали хозяйственное потрясение страны явлением, порождённым временными причинами, не имеющими общего органического характера и продолжавшимися сравнительно недолго.

По первому пути шли, как правило, старые исследователи, не имевшие на руках писцовых книг или пользовавшиеся ими в ограниченном размере. К ним примкнула и часть исследователей, которые могли пользоваться данными писцовых книг в полном объёме.

По второму пути пошли те, которые сумели освободиться от гипноза старых авторитетов и заново подвергли пересмотру имеющиеся источники.

Немаловажную роль в этих разногласиях играли методологические предпосылки и общие представления о ходе русской жизни, особенно в период XV—XVI веков.

С. М. Соловьёв объяснял запустение XVI в. склонностью русского народа к бродяжничеству, чему способствовал рост и без того обширной русской территории, и непрерывной колонизацией пустых земель. «Пространство земель, требовавших населения, — писал он, — увеличивалось всё более и более, колонии вытягивались и на юг в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь». Отсюда и объяснение, почему «к концу XVI века пустынных пространств было уже очень много в Московском государстве»¹.

А. П. Шапов был того же мнения: «Огромное равнинное пространство и обилие земель простором своим невольно вызывало массы к свободному, привольному разгулу по земле, к постоянным переходам с места на место, приучало к полукочевому земледелию, к полукочевой, полукочевой колонизации»².

Бродит русский крестьянин и у П. Н. Милюкова: «Служилый класс закрепил под собою крестьянство, давно уже лишённое в процессе колонизации своих племенных связей, продолжавшее ещё бродить по русской

¹ Соловьёв С. История России. Т. II, стр. 650—651. Изд. «Общественная польза».

² Шапов А. Историко-географическое распределение русского народонаселения. «Русское слово» № 9 за 1864 г., стр. 107.

земле и савишееся на землю, большею частью, на положении временных поселенцев на условиях частного найма»¹.

А. С. Лаппо-Данилевский даже в великокняжеском хозяйстве XII—XIV вв. видел следы «полукоочевого быта»: «Древнее великокняжеское хозяйство в XII—XIV вв. ещё отзывалось следами полукоочевого быта, ибо основным его элементом были, повидимому, звериная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледелие»².

И. Д. Беляев выдвинул другую причину переселений крестьян — истощение почвы. По его мнению, при первобытном хозяйстве выжигание леса и поднимание новины были более выгодными, чем удобрение истощённой земли. Но И. Д. Беляев в то же время очень далёк от мысли считать русского крестьянина бродячим. Он решительно протестует против объяснения запустения свободным переходом крестьян. «Сами памятники, — пишет он, — везде жалуются и приписывают запустение не свободному переходу, а другим причинам: голоду, повальным болезням, войне, плохому хозяйству землевладельцев и тяжести податей и повинностей». Автор старается убедить читателя в том, что от сносных условий ни один крестьянин уходить не станет, что крестьянин «по самой природе его промысла» не склонен к переменам мест, и упрекает сторонников теории бродяжничества в том, что они «напрасно обвиняют русских крестьян XVI века в бродячести и неусидчивости». Для такого вывода Беляев не видит в источниках никаких оснований.

И. Д. Беляев, писавший накануне освобождения крестьян и горячо сочувствовавший делу освобождения, знал, что крепостники приписывали крестьянам склонность к перемене мест, якобы грозившей помещикам остаться без устойчивых рабочих кадров³.

Через 20 лет взгляды И. Д. Беляева на прочную оседлость крестьян нашли поддержку у крупного экономиста-историка П. А. Соколовского, врага теории бродяжничества. «Это стремление, — писал Соколовский, — понятно в туристе, но совершенно неестественно в земледельце, принуждённом для обеспечения своего существования соблюдать возможно большую экономию в затрате своих трудовых сил. Не имел он основания приходить на новое место с целью облегчить труд, как полагает г. Соловьёв, потому что гораздо легче изменить систему полеводства, чем снова обзаводиться всем нужным для хозяйства»⁴. Соколовскому кажется неубедительным и мотив «истощения почвы». Причиной бегства крестьян с насиженных мест он считает общественные условия. При этом он ссылается на жалобы крестьян на то, что «многие деревни запустели от прежних... помещиков, и от тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от диких людей, и от татей, и от разбойников»⁵. Иногда крестьяне объясняют запустение «от государевых податей и от подвод», «от опричного правежу», «от Свейских немец», казаков, татар; иногда ссылаются на мор.

«Очевидно, — заключает автор, — что никакая почва, никакой климат, никакие усовершенствованные системы хозяйства не могли парализовать разрушительного влияния таких общественных условий, и, чтобы

¹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. I, стр. 144, 5-е изд. Непонятно, как прикрепленный крестьянин оказался «временным поселенцем на условиях частного найма». Непонятно, как при условиях, созданных для крестьянина П. Н. Милюковым, крестьянин продолжает бродить.

² Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве, стр. 1. СПб. 1890.

³ Беляев И. Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние. «Архив исторических и практических сведений». Т. II; его же, Крестьяне в Руси, стр. 92—93. 1879.

⁴ Соколовский П. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей перед крепостным правом, стр. 170. 1888.

⁵ Акты археографической экспедиции. Т. I, № 234, 344; Акты исторические. Т. I, № 200; Дополн. к актам историческим. Т. I, № 298.

бежать от них, вовсе не нужно было иметь романтической склонности к «брожению».

Не соглашаясь с теорией «бродяжничества», П. А. Соколовский, однако, признаёт самый факт бегства крестьян с земли. Для того чтобы прекратить бегство, правительство пошло по «пути насильственного прикрепления крестьян к земле»¹.

В. О. Ключевский тоже верит в «разброд населения», покидавшего свои родные места и уходившего на окраины государства. «С малолетства Грозного, — пишет он, — приблизительно с 1540-х годов, становится заметен отлив населения из центральных областей государства. Здесь во второй половине XVI в. путешественник на обширных пространствах, даже по бойким торговым дорогам, встречал уже только свежие следы прежней населённости края, обширные, но безлюдные сёла и деревни, жители которых ушли куда-то. Везде народ разбежался, и пустыни не только деревни, но и города. Разные случайные обстоятельства, татарские набеги, многолетние неурожаи в 1550-х годах, усиливали этот отлив... Так ход сельского хозяйства в Московской Руси XVI века представлял, можно сказать, геометрическую прогрессию запустения... Кажется, ещё бы по одной сильной волне колонизации из центра к окраинам на юг и на север, — и Москве предстала бы опасность, уже испытанная её предшественником Киевом, опасность превратиться в столицу пустыни, окружённую, по техническому выражению вотчинных книг XVII века, «пометной (брошенной) землёй тяглых жеребьев впусе»². Тут В. О. Ключевский делает ссылку на труды С. Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты» и Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси», которые подтверждают его собственные выводы «новыми наблюдениями»³.

Ссылка на Платонова понятна, потому что Платонов в свою очередь по данному поводу ссылается на Ключевского. Оба историка в объяснении интересующего нас события очень близки друг другу.

С. Ф. Платонов приводит для объяснения запустения новый, но едва ли убедительный аргумент — «переселение». По его мнению, причиной бегства крестьян является увеличение частного землевладения и переход крестьян в частную зависимость. В то самое время, когда крестьянский труд стали полагать в основание имущественного обеспечения вновь образованного служилого класса, крестьянство попыталось вернуть своему труду свободу через переселение... Вот в чём мы видим главную причину усиления во второй половине XVI в. крестьянского выхода из местностей, занятых служилым землевладением»⁴.

В одной из своих последних статей С. Ф. Платонов возвращается к старой своей мысли в связи с вопросом о возникновении крепостного права в России. «История крестьянского прикрепления может быть правильно изображена, — пишет он, — только тогда, когда исследователь свяжет её с изображением громадной катастрофы, пережитой московским обществом во второй половине XVI в., с массовым выселением тру-

¹ Соколовский П. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом, стр. 172—173. Против теории «бродяжничества» решительно возражали В. И. Сергеевич («Древности русского землевладения». Журнал министерства народного просвещения («ЖМНП») №№ 9—10 за 1900 г.) и Н. П. Павлов-Сильванский (Феодализм в древней Руси, стр. 63—67. 1907). Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2-я, стр. 66.

² Ключевский В. Боярская дума, стр. 306—307.

³ Там же, стр. 308—309.

⁴ Платонов С. Очерки из истории Смуты.

дового народа из московского центра и с гибелью хозяйственной культуры в наиболее культурных областях страны»¹.

В книге «Борис Годунов» автор к указанным причинам разрухи прибавляет политику власти: «Само правительство звало этих «верховых сходцев» для заселения новых городов и пограничной укрепленной черты... Власти одними мерами как бы выталкивали народ из внутренних областей государства, а другими — привлекали его на окраины, обаятельные для поселенцев и безо всяких казённых приглашений»².

Естественно, возникает ряд вопросов: почему то же самое обеспечение частных владений крестьянским трудом в течение многих веков не вызывало кризиса, подобного потрясению 70—80-х годов XVI века? Почему Россия в течение более чем 100 лет шла к своему хозяйственному расцвету и при наличии поместного землевладения? Погибла ли на самом деле хозяйственная культура в наиболее культурных областях страны?

На все эти вопросы не дают ответа ни В. О. Ключевский, ни С. Ф. Платонов. С. Ф. Платонов хорошо знает, что писцовые книги и летописи того времени объясняли сильное запустение центральных и южных областей государства главным образом татарским набегом 1571 года, когда хан дошёл до самой Москвы, а отчасти «моровым поветрием» и «хлебным недородом». Но почему-то не хочет принять их, а настаивает на том, что «это были второстепенные и позднейшие причины: главная причина заключалась в потере земли».

Опять у нас возникают недоуменные вопросы: почему причины, выставленные современниками, переживавшими грозные события 70—80-х годов XVI в., С. Ф. Платонов считал «позднейшими» и о какой «потере земли» говорит он? Кто её потерял? Служилый человек, согласно признанию автора, её получил, а крестьянин её покинул, чтобы променять на другую, в другом месте, но крестьянин или помещик, стало быть, без земли не оставались. Тут С. Ф. Платонов ссылается на ту же самую XV главу «Боярской думы» Ключевского, в которой приводилась ссылка на Платонова.

Оба автора твердят о развитии крестьянского выселения, чему способствовали громадные земельные приобретения Москвы и поощрение правительством колонизации. Отсюда-де необходимость для прекращения передвижения крестьян крестьянского прикрепления³.

Ссылка В. О. Ключевского на Н. А. Рожкова понятна: Рожков подтверждает факт запустения страны в 70—80-х годах XVI в. и вместе с Ключевским готов признать значение колонизации как фактора, действовавшего на протяжении всего XVI века.

Но у Рожкова своя точка зрения на причины запустения Русского государства в 70—80-х годах XVI века. Рожков, как и С. Ф. Платонов, не придаёт значения объяснениям современников, переживавших бедствие. Он критикует мнение датского посланника Ульфельда и иезуита Антония Поссевина. Первый ссылался на опричников, второй — на походы Батория, шведов и крымского хана.

Автор соглашается с замечанием А. Ильинского о том, что ни иноземное нашествие, ни поход Грозного на Новгород не могли «на долго» (разрядка моя.— Б. Г.) лишить Новгородскую землю населения.

¹ Платонов С. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. «Архив истории труда в России». Кн. III, стр. 22.

² Автор объясняет разруху, происшедшую, по его мнению, вследствие бегства крестьян, террором Грозного, который разбил не только родовую знать, но «и весь вообще общественный строй центральных московских областей... сдвинута была вся народная масса, имевшая связи с землевладельческим классом княжеской и боярской опальной знати» (Платонов С. Борис Годунов, стр. 67—69. 1921).

³ Платонов С. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 127—129. 1901.

В доказательство Н. А. Рожков ссылается на Новгородские писцовые книги, где ясно видно, что по миновании опасности большая часть деревень снова наполнилась населением¹.

Казалось бы, что свидетельства писцовых книг надо признать решающими и кризис в конце XVI в. изживаемым. Но Н. А. Рожков этого не делает. Уже из заголовка отдела его книги — «Отлив населения из Центральной области в последнем тридцатилетии XVI в.»² — видно, что он считает, вопреки данным писцовых книг, кризис продолжающимся до конца XVI века.

Создатель своеобразной теории дворянской революции в XVI в., Н. А. Рожков не согласился с объяснениями современников и данными писцовых книг, потому что он был убежден в том, что причина колонизационного движения, или отлива населения из центра, лежит не во временных и скоропреходящих обстоятельствах, а в целой системе землевладения и хозяйства, действовавшей на протяжении длительного времени.

Н. А. Рожков считал источником всенародного бедствия развитие поместного и монастырского землевладения. Юридическая природа поместья не позволяла помещику распоряжаться землей и вызывала крайнюю подвижность поместий. Помещик смотрел на поместье, как на временное владение, и поэтому старался извлечь из него возможно больше пользы для себя, «не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы... Поместная система приучала служилых людей к кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала технический уровень сельскохозяйственного производства». А хищничество помещиков заставляло крестьян массами уходить в места, где поместное землевладение было развито еще сравнительно мало или же его совсем не существовало. Условное владение на монастырских и архиерейских землях приводило к тем же результатам³.

В эти рассуждения Н. А. Рожкова, в значительной мере соглашаясь с ним, Н. Огановский внес поправку: в разорении страны, говорит он, повинна не юридическая природа поместья, а количество поместий; хищническое отношение помещика не к земле, а к крестьянам, которые непосредственно служили объектом помещичьей эксплуатации. Главную причину разорения он видит «в размножении непроизводительных классов — служилого дворянства и духовенства»⁴.

Мимоходом в 1912 г. высказался о хозяйственном кризисе П. Е. Михайлов. Отказавшись от глубокого изучения этого вопроса, он всё же счёл возможным утверждать, что «со второй половины XV века и через весь XVI век охватывает Московское государство хозяйственный кризис». Первые признаки кризиса стали, по его мнению, сказываться «ещё раньше, как это всегда имеет место в подобных случаях»⁵.

Какие «случаи» имеет в виду автор, остаётся неясным. Также ни на чём не основано и его мнение о «случае» в Московском государстве.

В 1915 г. вышла работа Н. Ф. Яницкого «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», написанная на основании изучения новгородских писцовых книг. Автор на конкретном материале констатирует бесспорный факт «громадного, ужасного по своим размерам бедствия», разразившегося «над коренными землями Руси во второй половине XVI в.». Это бедствие «разорило целый ряд земледельческих хо-

¹ Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 367.

² См. там же, стр. 511.

³ Там же, стр. 456—461.

⁴ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2-я. Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 137, 140—141.

⁵ Михайлов П. Обычный институт старожительства в процессе образования крепостного права. «ЖМНП» № 1 за 1912 г., отд. 2, стр. 102.

зайств, согнало население с насиженных мест. Старейшие области русской земли оказались заброшенными, запустевшими, население их исчезло». Это «болезнь, от которой земледельческие хозяйства пострадали сильно и на продолжительный срок»¹. Причиной упадка хозяйственной деятельности Новгородского края автор посвящает целую главу своего исследования, в которой он подвергает критическому разбору мнения своих предшественников. Отвергая мнение о колонизации, как причине запустения, и соображения Н. А. Рожкова, Н. Огановского и Н. А. Благовещенского о поместной системе, якобы вызвавшей кризис (ведь пришли в запустение не только поместья, а все виды хозяйства), Н. Ф. Яницкий ищет более глубоких и общих причин и в конечном счёте приходит к заключению, что причинами являются «реальное повышение крестьянского оброка землевладельцу, перевод натурального оброка на денежный — и то и другое в связи с общими неблагоприятными условиями жизни Новгородского края — с потерей им торгового транзитного пути в Европу и зарождающейся сменой натурального хозяйства денежным»².

Нужно отдать автору справедливость: он действительно дошёл до высокой степени обобщений. Но дело в том, что все указываемые автором причины начали действовать уже со второй половины XV в. (только оживление Беломорской гавани началось в середине XVI века).

В своей книге Н. Ф. Яницкий дал много ценных наблюдений, но не разрешил вопроса о причинах хозяйственного потрясения страны в 70—80-х годах.

Эти попытки различных авторов, с которыми мы познакомились, объяснить хозяйственную разруху 70—80-х годов XVI в. сводятся, таким образом, к общим причинам, действовавшим на протяжении всего века и даже до него и после него, и тем самым ничего не объясняют, так как одни и те же причины, оказывается, вызывали то подъём хозяйственной жизни, то крайний упадок.

В самом деле, почему поместная система или перевод натуральных оброков на деньги до 70-х годов XVI в. не давали пагубных результатов? Почему те же явления общественной жизни в конце века не мешали хозяйственному возрождению?

На эти вопросы в приведённой выше литературе ответа мы не находим.

Иначе и, на мой взгляд, более конкретно и убедительно подошёл к решению вопроса Ю. В. Готье. В истории XVI в. он выделяет 70—80-е годы, как «разгар» хозяйственного упадка. Затем Ю. В. Готье, хотя и осторожно, отмечает, что в «Замосковном крае были некоторые местности, где с 80-х годов замечается довольно значительный экономический подъём. В Коломенских вотчинах Троицкого монастыря, в сёлах Кисматове и Сабурове, где в 1576 году было 593 $\frac{3}{4}$ чети в поле пашни паханой, в 1593 году её уже было 634. В Старицких Троицких вотчинах в 1586 г. было 363 чети пашни паханой и 769 четей перелога, в 1593 г. — 792 чети пашни и 464 чети перелога». Ю. В. Готье приводит далее факты, на основании которых он пришёл к выводу о сравнительно кратковременном бедственном состоянии Руси. Данные письма Троицких вотчин 1592—1594 гг. позволяют ему говорить о «высшей степени интересном явлении начинавшегося исцеления от кризиса XVI века, резко затем прекращённого позднейшими событиями»³ (автор имеет в виду Смуту).

Мои наблюдения над жизнью Новгородского края, в частности над

¹ Яницкий Н. Экономический кризис в Новгородской области XVI века, стр. 1. Киев. 1915.

² Там же, стр. 131.

³ Готье Ю. Замосковский край в XVII веке, стр. 234—236. 1906.

жизнью новгородского Софийского дома, дают все основания признать точку зрения Ю. В. Готье наиболее правильной.

Документы о хозяйственной жизни двора новгородского епископа в Новгороде дали возможность совершенно конкретно показать, что в первой половине XVI в. хозяйство двора находилось в цветущем состоянии. В 80-х годах XVI в. двор переживал очень тяжёлое время: из огромного количества слуг осталось только 26%, расходы свелись к приобретению пищевых продуктов. Дом уже не мог позволить себе прежней роскоши. В 1593 г. процент слуг увеличился до 38; ожило несколько замерших было учреждений. Софийский дом за 12 лет, несомненно, добился значительных успехов в восстановлении разрушенного хозяйства. Конец века решительно непохож на 70—80-е годы ¹.

Те же явления наблюдаются и в собственном сельском хозяйстве новгородского владыки. Появившаяся в 30—40-х годах XVI в. собственная софийская запашка в 70—80-х годах сильно сократилась. В 90-х годах она даже переросла свои прежние размеры. Появился проект, поддержанный царём, о дальнейшем развитии собственного владычного сельского хозяйства. Этот проект начал тогда же осуществляться ².

На основании материалов Волоколамского монастыря И. И. Смирнов тоже пришёл к заключению, «что 90-е годы характеризуются экономическим подъёмом, признаками которого были восстановление хозяйства, увеличение запашки, распашка запустевших земель, рост торговли и т. д.» ³.

М. Н. Тихомиров не согласен с основным утверждением И. И. Смирнова об изживании в 90-х годах хозяйственной разрухи. Он требует проверки этих выводов на более обширном материале ⁴. Против этого требования нельзя возражать. Проверка на более обширном материале всегда полезна, и я постараюсь это сделать.

Попробуем окунуться в фактическую сторону дела с тем, чтобы разобраться в тех значительных противоречиях, которые вскрыл перед нами обзор литературы по данному вопросу. «Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 гг. походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят ещё живые люди. Не только отдельные деревни и поместья, — целые погосты стоят пусты. Земля поросла лесом, хоромы развалились» ⁵. Такое впечатление произвело на одного из исследователей описание Шелонской пятины, сделанное в 70-х годах XVI века.

Наблюдения автора совершенно точны. Мы можем к этому прибавить, что запустение коснулось не одной Шелонской пятины и не только всех пяти пятин новгородских, а всего Русского государства, за исключением далёких окраин, и что к началу 80-х годов запустение усилилось.

Если Шелонская пятина в 1571 г. запустела на 56,01%, а в 1576 г. — на 66,36%, то, по данным переписи 1582—1583 гг., пустота в той же пятине равна 83,58% (по Водской пятине — 64,72%, по Деревской — 54,73%, по Бежецкой — 79,08%, по Обонежской — 26,30%) ⁶. Соотношение живущего и пустого, т. е. признак тяглоспособности населения, ещё

¹ Греков Б. Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Софийский двор в гор. Новгороде. «Летопись занятий археографической комиссии XXXIII», стр. 263—264 и др.

² Греков Б. Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Собственное сельское хозяйство. «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии XXXIV», стр. 111 и др.

³ Смирнов И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XIV в. «Проблемы истории материальной культуры» № 5—6 за 1933 г., стр. 58—69.

⁴ См. Тихомиров М. Монастырь-вотчинник в XVI веке. «Исторические записки» № 3, стр. 159—160.

⁵ Загорский В. Землевладение Шелонской пятины. «Журнал министерства юстиции», декабрь 1909 г., стр. 194.

⁶ См. Яницкий Н. Указ. соч., стр. 52.

более показательно: по Шелонской пятине: пустого — 91,09%, по Водской — 75,92%, по Деревской — 96,66%, по Бежецкой — 87,70% и по Обонежской — 39,02%¹. Наиболее отсталая в хозяйственном отношении Обонежская пятина разорилась меньше других, более развитых.

Писцовые книги сообщают нам довольно часто и сведения о причинах запустения отдельных дворов, целых деревень и поместий. Книги пестрят следующими указаниями: такой-то крестьянин обнищал и покинул своё хозяйство, такого-то немцы побили и животы его пограбили, такой-то пострадал от опричников, такой-то был вывезен в другое место.

Н. Ф. Яницкий попробовал свести эти показания в таблицы. Из этих таблиц видно, что главными причинами, заставлявшими крестьян покидать свои хозяйства, были тяжесть государственных налогов, а также голод и мор. Многие крестьяне никуда не переселялись, а умирали массами на месте. Крестьяне говорили и о войне, но не так часто, как о тяжести налогов, голоде и море. И мы должны будем сказать, что налоги непомерно увеличились потому, что шла тяжёлая война, что уменьшение запашки вследствие разброда населения вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошла моровое поветрие и смерть.

Бежали от голодной смерти не только крестьяне. Н. Ф. Яницкий в приложении к своей книге приводит очень интересные выдержки из ещё ненапечатанных писцовых книг Бежецкой пятины 1588 г.: «Помещик Фёдор Денисьев, сын Титов... поместье пусто, крестьян нет, а Фёдор Титов постригся в чернецы». Брат Фёдора Иван ещё в худшем положении: «Обнищал, кормитца меж дворы... Помещик Олексей Ильин сын Измайлов... поместье пусто, крестьян нет, а Олексей Ильин сын да Степан Васильев сын Измайловы збежали в московские города в Переславль». Помещики Данил и Ждан Жуковы, дети Образцовы, «сошли кормитца меж дворы», помещица Офросинья Селянинова, жена Нарбенкова, — поместье пусто. Сама помещица пошла замуж, «а дочери её волочатца промеж дворы».

В выдержках приведены известия о 41 поместье. Все они пусты. Из 41 помещика 18 «бродят меж дворы»².

Не считаю необходимым увеличивать количество источников, говорящих о совершенно бесспорном факте большого потрясения всего Русского государства в 70—80-х годах XVI века. Необходимо только подчеркнуть, что речь может идти лишь о совершенно определённом отрезке времени, когда свирепствовала разруха, что, как мы видели, иногда забывают исследователи.

Хочу взять под защиту показания современников, которым я не имею никаких оснований не доверять, и присоединить к вышеуказанным свидетельствам Поссевина и Ульфельда также и Флетчера.

Флетчер посетил Россию в 1588 г., когда хозяйственное потрясение страны уже изживалось, но ещё существовала громадная разница в сравнении с тем, что было на Руси до разорения. Флетчер приводит ряд ценнейших фактов: «Воска в чужие края отправлялось до 50 тысяч пудов, а теперь вывозят ежегодно только до 10 тысяч... Несколькo лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 тысяч пудов, теперь — не более 30 тысяч и около того... Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 тысяч кож, теперь количество это уменьшилось до 30 тысяч или около того... Льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более 5... Несколькo лет тому назад, как слышал я от торговцев, — пишет Флетчер, — купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 или на 500

¹ Яницкий Н. Указ. соч., стр. 53.

² Там же, стр. 331—335.

тысяч рублей. Судя по аналогичным сообщениям о других товарах, и меховая торговля значительно упала»¹.

Интересны соображения Флетчера о причинах упадка торговли: «Причиной упадка и уменьшения требований на эти и на другие произведения, которые прежде отправляемы были за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войн с Польшею, отчего промышленники запасают и готовят всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и от того, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени (разрядка моя.— Б. Г.) обременены большими и невыносимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни»².

Флетчер не скупится на краски при изображении упадка хозяйственной жизни Руси. Но он далёк от мысли считать положение русского народа безнадёжным.

Как показал Р. Ю. Виппер, Флетчер писал в эпоху зарождения политического либерализма, представленного в XVI в. талантливой школой «монархомахов». «Их красивые, звучные и смелые фразы о вреде неограниченной монархии, о защите прав народа... закрывают часто бессодержательность их собственной программы, аристократическую узость и своекорыстие того класса, к которому принадлежали ораторы и писатели, прославляющие свободу»³.

Флетчер верит в неизбежность и спасительность для Руси политического переворота. «Если правление, — пишет он, — вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодуснее, то это послужит к благоденствию несчастного народа, удручённого теперь невыносимым рабством»⁴.

Итак, факт большого разорения страны в 70—80-е годы XVI в. очевиден. Причины его, мне кажется, уже вскрыты материалами писцовых книг, летописей, замечаниями современников, в том числе иностранных. Это прежде всего — длительные и дорогостоящие войны Ивана Грозного. Казанский поход и связанное с его успехом продвижение по Волге (Астрахань) и на Северный Кавказ; нашествие крымских татар, дошедших до Москвы и опустошивших всё, лежащее на их пути; наконец, тяжёлая Ливонская война 1558—1581 гг., крупнейшая из всех войн, какие вела Россия в XVI веке. Если к этому прибавить внутренние затруднения, выливающиеся часто в события, разорявшие народное хозяйство не меньше, чем война (борьба опричнины с земщиной), то станет понятно, в каких условиях истощалась «великая и страшная мощь московита»⁵.

С. Б. Веселовский в своей работе «Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв.» касается этого вопроса, но он не склонен трактовать разруху, как следствие каких-либо внутренних длительно действующих органических причин⁶. Это действительно была серьёзная болезнь, но, как показало ближайшее будущее, она скоро была преодолена. Право считаться великим имеет не тот народ, который не знает

¹ Флетчер Д. О государстве Русском, стр. 12—14. СПб 1905.

² Там же, стр. 14.

³ Виппер Р. Иван Грозный, стр. 182. 1942.

⁴ Флетчер Д. О государстве Русском, стр. 21.

⁵ Донесение представителя Ливонии германскому императору Карлу V 1551 года. Виппер Р. Указ соч., стр. 51.

⁶ См. Веселовский С. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 133—135.

в своей истории несчастий, а тот, который находит в себе творческие силы для преодоления самых тяжёлых ударов.

Государственная машина, несмотря на тяжесть длительной войны и перемену военного счастья, несмотря на внутренние тяжёлые потрясения, работала исправно и энергично. Народ при всех тяжёлых испытаниях продолжал прсыплять удивительную волю к жизни. Ещё не замолк гром пушек, ещё не произнесено слово «мир», враг лишь отошёл к своим границам, не оставляя мысли снова залить кровью русскую землю, а крестьянин уже спешит на своё старое пепелище, начинает пахать затоптанную неприятелем ниву, заново строит себе жилище¹.

Правительство принимало энергичные меры. Уже во время войны, для того чтобы обеспечить армию хлебом, правительство ввело так называемую десятинную пашню. Эта мера заключалась в том, что каждый крестьянин дворцовых государевых волостей обязывался вспахивать для государя по 4 десятины земли. Это — обязательная для государевых дворцовых крестьян барщина. Удивлять она нас не должна, так как мы можем видеть в это время рост барщины и в частновладельческих землях. Государство пошло по пути, проложенному частной инициативой. Мероприятие дало удовлетворительные результаты. Как только закончились военные действия, правительство пожелало узнать правду об экономическом состоянии государства. Начиная с 1580 г. предпринимается систематическое описание всей земли. В 1581—1582 гг. составляется описание города Новгорода. В этой траурной книге, где запечатлены все ужасы разорения цветущего большого города, потерявшего 80% своего прежнего населения, уже звучат бодрые нотки: кипит созидательная работа как по устройству жизни обывателя, так и по приведению города в боевую готовность: возобновление войны не казалось делом невозможным².

В то же время производилось и описание Новгородской земли³. Описания продолжались и при преемнике Грозного. В 1592—1593 гг. было произведено общее описание земель Московского государства.

Для приведения в известность материальных и людских ресурсов страны эта работа была первоочередной. Нельзя, однако, забывать, что описание земель — это не просто статистическая экспедиция. Ведь писцовая книга по своему назначению — не статистический сборник, а очень ответственный документ, на несколько лет вперёд определяющий права землевладельцев на землю и людей, сидящих на ней, и размеры тягла. Писцы 80-х годов XVI в. выполняли именно эти функции и, стараясь поймать наибольшее количество плательщиков, в то же время вынуждены были считаться с тяглоспособностью населения. Непосильное обложение грозило углублением хозяйственного кризиса. Здесь требовалось много такта, осторожности и бдительности.

Очень показательны в этом отношении заметки в «Отрывках из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря», изданные М. П. Лихачёвым. «Был в монастыре Климент подьячий сам четверт, — читаем здесь, — описывал сельцо Кузминское по цареве в. кн. грамоте; жил два дни. Куплено на него рыбы и колачей и икры на полполтины, да ему же ударено челом и с людьми 40 алт., чтоб пожаловал описал прямо»⁴.

¹ Актовая книга новгородского Софийского дома № 37. Писцовая книга старца Левкея.

² Писцовая книга по гор. Новгороду 1581—1582 гг. «Летопись занятий Археологической комиссии», в. 24.

³ Сампсон Дмитриев описывал Водскую пятину в 1582 г., Андрей Плещеев — Обо-нежскую пятину в 1583 г., он же в 1588 г. описывал Тихвинский уезд, Фёдор Ласкирев — Бежецкую пятину в 1583 г., Игнатий Зубов описывал Пусторжевские земли в 1583 г., Тимофей Хлопов — Московский уезд в 1586 г. Неволин К. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II. Полное собрание сочинений. Т. VI, стр. 459—461 и др. 1859.

⁴ Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.). Сборник Археологического института. Т. VI, стр. 11. 1895.

Но писцы иногда сбавляли тягло не потому, что их угощали заинтересованные люди, а по совершенно объективным признакам: опытный писец видел, что крестьянин не может платить того, что платил до недавнего времени.

Возьмём для примера писцовую книгу 1583 г. по Обонежской пятине, погост Михайловский Тервинский. Деревня Максимово у часовни платила до разорения с 1 обжи, сейчас платит с $\frac{1}{8}$ обжи. Деревня Ондриевская Полозова до разорения платила с $\frac{1}{4}$ обжи, сейчас платит $\frac{1}{12}$. Большинство деревень в пустоши и не платит ничего¹.

Одновременно правительство принимало меры для поднятия хозяйства всей земли и для восстановления материального положения военных кадров.

Многое из деятельности органов государственной власти от нас скрыто вследствие гибели источников. Приходится дорожить косвенными их указаниями. Одним из таких косвенных, но весьма важных источников для истории крестьянства и разорения государства в 70—80-х годах является сообщение соборного приговора 1580 г. о том, что в связи с хозяйственным потрясением страны царь Иван Васильевич Грозный «со всем своим синклитом сотвори, якоже довлеет его царской власти»². Тут не сказано, что именно предпринял царь, но об этом можно догадаться. Прежде всего ясно, что мероприятие царя касалось тех же вопросов, обсудить которые призван был и церковный собор. Это был вопрос о служилых людях, которые оскудели не только от военных расходов (службу ведь они несли на свой счёт), но главным образом от того, что из их поместий и вотчин разошлись крестьяне, соблазненные льготами, которые могли им предоставить монастыри и другие церковные учреждения.

В актах Археографической экспедиции, где тоже напечатан этот приговор церковного собора, имеется небольшое небезынтересное для нас предисловие: «Лета 7089 генваря в 15 день государь царь и в. к. Иван Васильевич... и со всеми бояры приговорили о землях, которые за монастыри вотчины куплены и вклады даваны и грамоты по тому приговору написаны и по той грамоте и по уложению в Поместной избе дьяком и делати»³.

Стало быть, было составлено Боярской думой и утверждено какое-то уложение и дано соответственное распоряжение Поместному приказу. Повидимому, на это уложение ссылался в 1584 г. Тимофей Шиловский в своей тяжбе с дьяком Андреем Шеремединовым. Истец Тимофей Шиловский на суде, между прочим, заявлял: «Тот Андрей нашей вотчиной селом Шиловым владеет и землю пашет и прикащики его живут... и крестьян насильством твоих государевых дворцовых сёл и из-за детей боярских возит мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья в то село Шилово возит»⁴. Уложение это до нас не дошло, хотя, возможно, оно будет разыскано в архиве древних актов. Пока только можно сказать с уверенностью, что это уложение было и что оно касалось крестьянского вопроса и запрещало крестьянские выходы. Навсегда или на время, всех ли крестьян оно касалось или не всех, на эти вопросы приведённые документы ответа не дают. Но для наших целей достаточно и вышеказанного. Правительство шло навстречу желаниям разорившихся служилых людей и гарантировало им постоянные рабочие руки.

¹ Архив Института истории АН СССР, № 48. Писцовая книга Обонежской пятины, 1091 г., л. 3 и др.

² Собрание государственных грамот и договоров (СГГ. и Д.), № 200, стр. 584.

³ Акты Археографической экспедиции. Т. I, № 308.

⁴ Акты Юшкова, стр. 206; Лихачёв Н. Собрание актов I, стр. 249.

Очень показательна в том же направлении и другая мера власти. По инициативе Ивана Грозного 15 января 1580 г. был созван церковный собор, который должен был выполнить ту часть намеченной царём программы, которую он без церковного собора разрешать не хотел. Царь помнил постановление вселенских соборов о неприкосновенности церковных имуществ и не считал возможным его нарушать.

Церковный собор собрался после первого похода Стефана Батория, когда ему удалось взять Полоцк, и до осады Пскова, стало быть, в завершающий период войны, в момент, когда Иван Грозный и Баторий обменивались послами и начинали переговоры о мире, которого явно не желал Баторий.

Собор заседал в трудное время, когда враждебная России Западная Европа, Турция, ногайские татары и крымский хан, мечтавший о завоевании Московской державы, объединились против Москвы. В постановлении собора об этой международной обстановке названы турки, крымцы, ногаи, Литва, Польша, угры, немцы лифляндские и свейские, «свокупившиеся» для борьбы с Московским царством.

Главный вопрос, подлежавший решению собора, не потерял своей остроты и после смерти Ивана Грозного. Его преемник и сын Фёдор Иванович собрал новый собор 20 июля 1584 г., который подтвердил постановление собора 1580 г., дополнив его несколькими ценными для нас деталями. И этот последний собор в своих решениях исходил из факта огромного хозяйственного потрясения всей русской земли, для ликвидации которого требовались энергичные меры. Крестьянский вопрос, неизбежно переплетающийся с проблемой поддержки оскудевшего воинского чина, не мог не быть в центре внимания собора.

Духовенство под нажимом обстоятельств и царя принуждено было «уложить» то, чего требовали от них царь и текущий момент: для того чтобы «воинский чин на брань против врагов креста Христова» мог ополчиться крепко, собор счёл необходимым с 15 января 1580 г. отказаться от приёма земель в пользу церкви. Собор 1584 г. разъяснил, что церковные земли находятся в «тарханех», а погому с них не идут никакие царские дани и земские разметы, «а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде»¹.

Таким образом, церковь должна была принести материальные жертвы в пользу государства. Дело было поставлено так, что церковный собор не мог отказаться выполнить царскую волю.

С 1 сентября 1584 г. тарханы отменялись на неопределённое время, «до государева... указу», «покамест земля поустроится и помочь во всём учинитца царским осмотрением». С этого момента церковь обязывалась платить всякие царские подати и земские разметы «со всеми людьми равно». Все земли, принадлежавшие монастырям и другим церковным учреждениям, отбирались в пользу государя. Таким образом казна получила значительный фонд земель, которые могли быть розданы в поместья служилым людям. Совершенно ясно, что власть удовлетворяла интересы служилого человека — помещика. Да и могло ли быть иначе, если помещик уже давно стал опорой растущего самодержавия?! В сущности, и постановление церковного собора о тарханах не представляло собой чего-либо нового. Это один из этапов в истории ограничения церковных привилегий в пользу служилых людей.

Ведь уже Судебник 1550 г. вёл борьбу с привилегиями знати и мона-

¹ СГГ и Д. Т. I, № 202, стр. 594.

стырей. Он не только постановил, что «тарханных грамот впредь не давати никому», но и дал закону обратную силу: «старые поимати у всех»¹.

В. Н. Татищев по этому поводу сделал интересное примечание: Грозный «сие яко весьма вредное отставил»². «Весьма вредное», конечно, для нового строя, за утверждение которого энергично боролись Грозный и нарождавшееся новое дворянство.

На Стоглавом соборе были отменены церковные несудные тарханные грамоты³. Перед нами процесс борьбы со старыми, феодальными привилегиями и укрепления центральной власти, что означало одновременно и усиление позиций служилых людей, т. е. командного состава царской армии. Тарханы стали «вредными» именно тогда, когда власть стала переходить от бояр к другой группе феодалов, являвшейся не оппозицией новому политическому строю, а его опорой и защитой.

Судьба сельского населения может быть правильно понята только в связи с этими крупнейшими в нашей истории изменениями.

В 90-х годах страна стала оправляться от разорения.

Для иллюстрации этого положения приведу примеры. Вот несколько деревень из владения Новгородского епископа в Воскресенском Важенском погосте в Каковичах и Шаменичах.

Названия деревень	Количество дворов в них				
	1566 г.	после 1566 г.	1582—1583 гг.	до 1614 г.	1620 г.
Онаньинская	3	4	1	4	2
Алжоевская	1	5	2	5	2
Павловская	1	6	1	6	1
Сысоева	4	2	0	1	0
На волоке	4	4	1	4	1
Мельгачевская	2	4	1	4	0
Кухоревская	2	11	2	6	1
Печевская	3	8	2	2	0
Есиповская	1	4	1	4	1
Итого	21	48	11	36	8

Деревни взяты в том порядке, в каком они помещены в писцовых книгах. Бросается в глаза рост количества дворов в первой половине XVI века. После 1566 г. и приблизительно до начала 70-х годов рост идет бурно. Количество дворов увеличилось больше чем вдвое. С 70-х годов происходит резкое падение. К 1581 г. количество дворов в Каковичах и Шаменичах сократилось почти в пять раз по сравнению с периодом наибольшего подъема. После прекращения Ливонской войны, на рубеже XVI и XVII вв., происходит новый подъем, который был прерван событиями Смуты.

Изменения размеров крестьянской пашни производят то же самое впечатление. Беру всю Софийскую волость в данном погосте:

Количество	1566 г.	После 1566 г.	1582—1583 гг.	до 1613—1614 гг.	1620 г.
Деревень и починков	61	62 ⁴	24	61	6
Дворов в них	93	126	39	93	7
Частей паханой пашни	86 ^{1/4}	332	52 ^{13/48}	302 ^{5/24}	45 ^{5/64}

¹ Судебник 1550 г., ст. 43.

² Татищев В. Судебник, стр. 26. 2-е изд.

³ Стоглав, гл. 67.

⁴ В том числе одно сельцо.

Количество населённых мест с 1566 до 70-х годов остаётся то же, но значительно увеличивается количество дворов в них, что свидетельствует о росте населения. Размеры пашни сильно вырастают. С 70-х годов происходит заметный упадок хозяйства страны, успешно ликвидируемый к концу XVI и началу XVII века. События Смуты наносят ему удар, ещё более сильный, чем разорение 70-х годов¹.

Указанная территория расположена к югу от реки Свирь: Военных действий на ней не было. Перемены в хозяйственном состоянии края объясняются исключительно общими процессами, происходившими во всей стране. Что эти таблицы говорят не о случайном и единичном, а для данного момента об общем и закономерном, можно убедиться на фактах любого из новгородских погостов.

В Михайловском погосте на Волхове, например, мы можем видеть такую же точно картину:

Названия деревень	1582—1583 гг.				1592 г.	
	Обжи		Пашня в четвертях		Обжи	Пашня в четв.
	живущих	пустых	паханая	перелог	живущих	паханая
Мыслино	$\frac{1}{2}$	1	5	10	$\frac{1}{2}$	5
Бор	$\frac{1}{2}$	1	5	10	$\frac{1}{2}$	6
Средняя Верховина	1	2	10	20	3	12
Другая Верховина	$\frac{1}{2}$	1	5	10	$\frac{1}{2}$	6

Эти несколько деревень взяты из писцовых книг навыдержку².

Возьмём другой пример, из жизни деревни Черницы, Софийской волости, Андреевского Грузинского погоста.

Количество	1582—1583 гг.		1592 г.	
	всего	пустых	всего	пустых
Населённых мест	5	2	7	2
Дворов	99	79	109	3
Людей	19		119	
Обож	$20\frac{1}{2}$	$17\frac{1}{2}$	$18\frac{9}{16}$	$1\frac{1}{3}$

И здесь мы видим то же положение.

Приведённых примеров достаточно. Отмечу только, что в изученном мною 21 погосте, где находились владения новгородского Софийского дома, картина повторяется с неизменной точностью. До 70-х годов хозяйственный подъём идёт быстрыми темпами, середина 70-х годов и до 1582—1583 гг. — время разорения, — после чего хозяйство оправляется снова. Смута наносит ему новый удар.

Наблюдения Н. Огановского те же, хотя он и мало ими пользуется для основных своих выводов. До первой половины XVI в. он отмечает быстрый прирост населения, затем население начинает разбегаться. Замошковые пустеет. Запустение сразу усиливается во время Смуты и в ближайший момент после Смуты. 1610-й год — точка максимального запустения. Однако это последнее было недолговечным³. Тут автор ссыла-

¹ Все подсчёты сделаны мною по данным Новгородских писцовых книг 1565, 1582—1583, 1620 гг. При подсчётах приходилось преодолевать некоторые затруднения. Книга 1566 г. исчисляет размеры пашни коробьями, книга 1582—1583 гг. — четвертями. При переводе коробей в четверть на четверть пашни приходилось $\frac{1}{2}$ коробы ржи, согласно расчётам, приведённым у Н. А. Рожкова («Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 497. Заметки о мерах в Московской Руси XVI века).

² Писцовая книга А. Плещеева 1582—1583 гг. и софийского старца Левкия 1592 г.

³ Огановский Н. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 112.

ся на Ю. В. Готье, который замечает, что кризис Смутного времени не столько уничтожил, сколько распугал население.

Через несколько страниц в книге Н. Огановского мы узнаём, что и первый «кризис» был тоже недолговечным. Но вот нагрянула Смута. Незадолго до Смуты, после смерти Ивана Грозного, появились легкие признаки улучшения. Так, в Московском и Старицком уездах в одних и тех же вотчинах было:

Годы	Пашни	Перелoga
1584—88	9,9	90,1
1593	34,8	65,2 ¹

Однако после этих, как будто совершенно ясных и убедительных соображений автор, не замечая противоречий с самим собой, заявляет, что глубокий сельскохозяйственный кризис тянулся около 60 лет — с 60-х годов XVI в. по 610-е годы².

Мы имеем возможность убедиться, что это не так. Исаак Масса, итальянец, выселившийся в Голландию и по торговым делам в 1600 г. посланный в Россию, где он пробыл 8 лет, не мог ошибиться, когда, наблюдая изживание хозяйственного потрясения, писал: «Состояние Московского государства улучшилось, и народонаселение увеличилось. Московия, совершенно опустошённая и разорённая, вследствие страшной тирании покойного великого князя Ивана и чиновников, теперь, благодаря преимущественной доброте и кротости князя Фёдора, а также благодаря необыкновенным способностям Годунова, снова начала оправляться и богатеть»³.

То же отмечает и летопись: «Всё православное христианство начаша от скорби бывшие утешаться и бесмятежно жить».

Итак, всё, что мы до сих пор видели, не оставляет у нас сомнений, что большое хозяйственное потрясение приходится на 70—80-е годы XVI в. и что оно к концу века начинает изживаться. Это так ясно, что если бы в литературе по этому вопросу не было разногласий, то на этом предмете можно бы долго и не останавливаться.

Выводы, которые можно сделать из привлечённых материалов, значительно расходятся с большинством мнений, высказанных ранее.

1. Ни о какой бродячести сельского населения на Руси говорить не приходится. Не отрицая факта широкой колонизации, мы должны признать, что масса сельского тяглого населения прочно сидела на своих местах и склонности к бродяжничеству не обнаруживала. Уходили те, которые потеряли связь со своим хозяйством или не сумели его приобрести. Это те, которые шли в кабалу, в изорники, новопорядчики, работали «добровольно» и т. д.

2. Хозяйственная разруха—явление чисто временное, вызванное причинами не общего, а частного характера. С устранением этих причин изжита была и разруха. Сельское население, вынужденное временно покидать свои старые гнёзда, вернулось на свои насиженные места и не соблазнилось в ущерб старым, насиженным местам ни казанским чернозёмом, ни причерноморскими степями, ни Сибирью. Этим я не хочу отрицать того, что русские люди действительно уходили на новые места. Моя мысль заключается в том, что этот естественный отлив населения на окраины не отразился пагубно на состоянии страны, он не является причиной разорения 70—80-х годов.

3. Хозяйственное потрясение не изменило ни техники, ни системы сельского хозяйства, как думал Н. А. Рожков. Оно лишь на некоторое время сократило крестьянскую и частновладельческую запашку, потому

¹ Огановский Н. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 117.

² Там же, стр. 121.

³ Исаак Масса. Сказания. 1874.

что сократилось количество рабочих рук, способных её сбрабатывать. Иногда вынужден был и сам помещик бросать своё поместье. Но это был только ураган, пронесшийся над русской землёй, причинивший ей много бед, но не изменивший лица земли. И как только появилась к тому возможность, сельское хозяйство стало развиваться по намеченному уже с конца XV в. руслу.

4. Потрясение 70—80-х годов поистине было огромным. Этого отрицать нельзя.

Возникает вопрос, как оно отразилось на эволюции общественных отношений на Руси вообще и, в частности, на судьбе сельского населения.

Несомненно, перенапряжение народных сил и разорение значительной части страны неприятелем поставили перед властью неотложную задачу — ликвидировать хозяйственную разруху и прежде всего поддерживать в боевой годности армию. В этом плане с особой остротой ставился вопрос о рабочих руках, способных обеспечить помещику его служебную годность. Вопрос о рабочих руках в обстановке разорения страны решался наспех, неуверенно; принимались решения временного характера, «покамест земля поустроится». Правительство делало то, что подсказывали ему нужды текущего дня. Но эти нужды всплывали с закономерной последовательностью. Если абсолютная монархия могла возникнуть, в противовес феодальной раздробленности, как форма государства, удовлетворяющая интересы помещиков и купцов, то вполне естественно, что нужды этих классов и удовлетворялись в первую очередь. А помещику прежде всего нужна была уверенность в прочности его дохода с земли. В этом была заинтересована и власть, поскольку помещик — это та военная сила, без которой не могла существовать государственная власть. Положение обострилось в связи с хозяйственным потрясением, угрожавшим лишить служилого человека его материальной базы.

Если боярин или крупный церковный собственник земли могли своими средствами разрешить для себя проблему рабочих рук, то помещик, чаще всего мелкий землевладелец, не имел никаких возможностей для этого и рассчитывал лишь на содействие государственной власти.

Временные меры власти оказались именно теми, какие были на данном этапе истории России необходимы укреплявшемуся в своих позициях дворянству.
